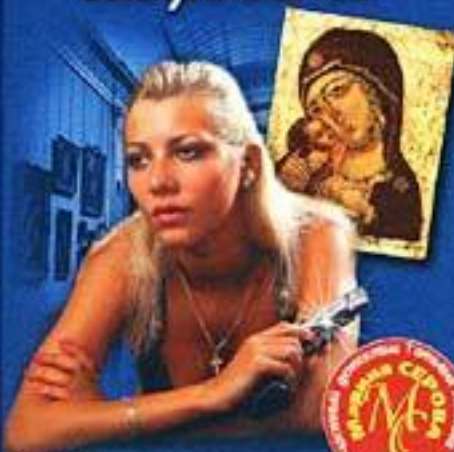

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

Марина СЕРОВА

*А ларчик просто
открывался*

ЭКСМО

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Сдержать свое слово

«Научная книга»

Серова М. С.

Сдержать свое слово / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Марина Серова

Сдержатъ свое слово

Глава 1

Весь день небо, словно покрытое серой пленкой, источало мелкий, жидкий дождичек, который умножал злость бомжей, шныряющих по городской свалке.

Двое из них, таща по мешку за спиной, остановились у горы мусора, недавно сброшенной сюда очередной машиной. Не сговариваясь, они подошли к куче с разных концов и принялись «обрабатывать» ее на предмет обнаружения черных и цветных металлов, а заодно и еще чего-нибудь интересного, что тоже можно продать или, на худой конец, использовать.

Некоторые зажиточные граждане выкидывали совсем новую одежду, иногда попадалась сносная кухонная утварь, но на этот «товар» бродяги обращали мало внимания – основной целью была все же добыча металла. За день им удавалось заработать сто, а когда повезет, то и до двухсот рублей. Неожиданно один из бомжей издал резкий крик и отпрянул.

– Что там у тебя, Клещ? – вяло отреагировал второй, вставая с колен.

– И-иди сюда бы-быстрее.

От испуга худосочный Клещ заикался сильнее обычного.

Его пожилой спутник, нехотя передвигая нижними конечностями, решил посмотреть на находку.

– А... это, – равнодушно бросил он. – Этого добра здесь хватает. Привыкай.

Он хлопнул Клеща по плечу и медленно потащился назад.

– К-как же так? – крикнул Клещ удаляющемуся спутнику. – В-ведь эт-то... Надо же в милицию с-сообщить!

Из здоровенной спортивной сумки, в которую так неосмотрительно заглянул Клещ, торчали человеческая нога и рука.

– Сообщай, – небрежно ответил пожилой бомж. – Думаешь, милиции это надо? Сам потом крайним и окажешься.

Клещ так переволновался, что соображал очень плохо. Два противоречивых чувства боролись в его еще не изъеденной цинизмом душе: осторожность и жажда справедливости.

* * *

Милицейская машина подъехала к свалке часа через два после телефонного звонка. Двое представителей закона с угрюмыми лицами пробирались вслед за Клещом, стараясь выбирать дорогу почище.

– Ну и вонища, – не удержался от комментариев молодой лейтенант и тут же, вляпавшись во что-то, выругался. – Да еще в такую погоду...

Капитан, несмотря на лишний вес, оказался шустрее своего коллеги и был уже далеко впереди.

Клещ немного успокоился, пока ждал милицию, но все же ему было не по себе. Теперь, главным образом, из-за осуждающего взгляда напарника-бомжа, которым тот сверлил впечатлительного парня.

На указанную сумку капитан воззрился холодно и спокойно. Затем расстегнул до конца «молнию», и все присутствующие увидели окровавленный труп мужчины преклонного возраста. Судя по внешнему виду и одежде, убитый принадлежал к тому же «сословию», что Клещ и его сотоварищи.

– И дернула тебя нелегкая лезть в эту кучу! – хмуро глядя на Клеща, произнес капитан. – Никак нельзя без подобных находок обойтись?

– К-как же?.. Т-труп ведь... – не понял Клещ.

– Для кого труп, а для кого очередной «висяк», – капитан тяжело вздохнул.

Подоспевший лейтенант, злой на всех и вся, услышав слова старшего по званию, добавил:

– Лежал он и лежал себе спокойно... Нет, понадобилось нормальных людей гонять по этой свалке...

Клещ широко раскрытыми глазами обалдело таращился на людей «при исполнении» – он не рассчитывал на такую реакцию. В глазах своего напарника он прочитал явный упрек: «А что я тебе говорю?»

– Никто его не знает? – обратился капитан к собравшимся со всей свалки бомжам, стоявшим поодаль от страшной находки.

Все промолчали.

– Закрой сумку, – приказал капитан лейтенанту. – А ты поедешь с нами, – обратился он к Клещу, с брезгливостью оглядывая его с ног до головы.

Втроем они взялись за тяжелую поклажу и потащили ее к машине.

Когда «козлик» отъехал, среди бомжей начался галдеж.

Лишь напарник Клеща не принимал в обсуждении участия. Он утомленно покачал головой и вернулся к прерванным поискам. За время своего обитания на свалке, довольно уже продолжительное, трупов он видел предостаточно и уже перестал обращать на них внимание.

* * *

На светофоре наконец загорелся зеленый свет, и рыжая «десятка», стоявшая впереди, рванулась вперед. Асфальт был мокрым после утренней мороси, и я, в отличие от водителя «десятки», тронулась с места в умеренном темпе – легкомысленно подвергать риску жизнь и здоровье было не в моих правилах.

Навязчивое желание съесть чего-нибудь сладкого третировало меня с самого утра. Все доводы рассудка о том, как вредно употреблять сахар в неумеренных количествах, не нашли отклика в моей душе, которая настойчиво требовала мелких радостей в такой непростой жизни частного детектива. Поняв, что дальше сопротивляться желанию бесполезно, я тормознула у ближайшего мини-маркета.

В итоге я вышла оттуда, нагружившись большим тортом, коробкой конфет, стопкой шоколадок и мороженым. И теперь, твердо решив не есть все сразу, дабы не замучили угрызения совести, я медленно двигалась к своей машине в предвкушении сеанса чревоугодия.

Рядом с моей «девяткой», прислонившись спиной к фонарному столбу, стояла высокая, худощавая женщина во всем черном. Вдруг она закатила глаза и стала медленно сползать вниз.

Бледность, покрывшая ее лицо, брошенная на землю сумка и повисшие плетью руки внушали справедливое беспокойство.

Быстренько закинув свои покупки на заднее сиденье, я вовремя подошла к ней – еще секунда, и она рухнула бы на асфальт.

– Что с вами? – попыталась я выяснить, держа ее под мышки. – Пойдемте в машину, я вызову «Скорую».

Женщина ничего не ответила, только, неуклюже наклонившись, подняла с земли кожаную сумку того же траурного цвета, что и вся ее одежда.

Оказавшись рядом со мной на сиденье и услышав тональный набор мобильного, она положила ледяную руку мне на запястье и произнесла низким грудным голосом:

– Не нужно «Скорую». Сейчас отпустит, – и снова судорожно вцепилась в свою сумку.

Ее волевой тон убедил меня в том, что она знает, что говорит, и я нажала на «сброс» в тот момент, когда в трубке уже прозвучала реплика диспетчера: «Скорая» слушает».

За несколько минут, прошедших после нашей внезапной встречи, я машинально составила психологический портрет женщины в черном: сильная, решительная особа. Жестко сомкнутый рот и прямая спина говорили в пользу этой характеристики. Наверно, умер кто-то из ее близких – в этом причина физической слабости.

– Давайте я отвезу вас домой, – предложила я и завела двигатель. Женщина назвала адрес. Улица, на которой она жила, находилась на другом конце города, и я покосилась на нее с профессиональным любопытством: что могло занести убитую горем пожилую женщину так далеко от дома?

Не знаю почему, но мне вдруг захотелось узнать побольше о том, что же произошло в ее жизни, но я понимала – разговорить такого «закрытого» человека, каким виделась мне эта женщина, непросто. Слишком у подобных людей сильна привычка держать все в себе.

– Вам лучше? – спросила я спустя какое-то время, прошедшее в молчании.

Женщина долго не отвечала, глядя прямо перед собой, затем вдруг устало произнесла:

– Три года назад меня сбил грузовик. Очень долго я лежала в реанимации, с огромным трудом выкарабкалась... Мне так хотелось пожить еще немного... Теперь я думаю – зачем? Если бы умерла тогда, теперь была бы уже с ним.

– У вас умер муж? – решила я задать спутнице наводящий вопрос.

Она медленно покачала головой.

– Сын. Его убили.

«Наверняка опять криминальные разборки», – мелькнуло у меня в голове. Сын этой женщины нарисовался моему воображению таким же волевым и сильным, как его мать. Люди с таким характером нередко оказываются за чертой закона.

– Кто занимается расследованием дела? Фамилию следователя не помните?

– Трегубов Валерий Яковлевич, – отчеканила она.

– Неплохой специалист, – прокомментировала я. – Дело свое знает.

– Вы что, тоже из милиции?

Презрительный тон и недоверчивый взгляд, брошенный в мою сторону, засвидетельствовали негативное отношение моей спутницы к правоохранительным органам.

– Нет. Я частный детектив.

Последовала длинная пауза, после которой женщина опять ударилась в воспоминания. Видимо, откровение с посторонним человеком стало для нее сейчас равносильным выпуску пара.

– Мой брат отсидел семь лет за изнасилование, которого он не совершал. Жертва настоящего насильника не видела, он подошел сзади и накинул ей на голову мешок. Мой брат работал сторожем на складе, возле которого все произошло. Он видел удалявшегося преступника и узнал его. Но насильник был в деревне уважаемым человеком, занимал высокий пост, а мой брат – простой сторож, к тому же любил выпить. Осудили именно его, а настоящего преступника милиция даже не посмела заподозрить. Потом он приходил к брату в тюрьму с передачкой и с издевкой сказал, что ему очень жаль.

Женщина замолчала, уронив голову на спинку сиденья, потом добавила, глядя в потолок:

– Я не верю милиции. Не верю, что они смогут найти убийцу. Не верю, что они вообще будут кого-то искать.

– Случай с вашим братом произошел, видимо, очень давно, – осторожно заметила я, глядя на трактор, монотонно тархтевший впереди меня. Обогнать этот тихоход пока не представлялось возможным. – Сейчас взяли бы просто сперму на анализ, и все встало бы на свои места.

– Это было не так уж давно, – возразила мне женщина. – Всего восемь лет тому назад.

– Значит, дело просто сфабриковали. Вашему брату не повезло.

Трактор наконец удалось обогнать, и мне удалось наконец прибавить газу.

– Вам приходилось расследовать убийство?

Я незаметно улыбнулась.

– Десятки убийств.

Женщина задумалась на минуту, потом, явно оживившись, с надеждой спросила:

– Вы могли бы найти убийцу моего сына?

Теперь, в свою очередь, задумалась я. Как бы поделкатнее дать ей понять, что ее пенсии не хватит, чтобы оплатить мои услуги. Спутница правильно расценила причину моей задумчивости.

– Сын открыл валютный счет в банке на мое имя и регулярно вносил деньги. Хотел, чтобы я никогда ни в чем не нуждалась. На счету сейчас что-то около двух тысяч долларов. Этого хватит?

– Вполне, – ответила я и назвала свои расценки.

– Мне совсем не жалко денег, но учтите, вы должны найти убийцу, настоящего убийцу, а не того, кто первым попадет под руку, – в голосе женщины зазвучали металлические нотки.

Ей стало заметно лучше. Видимо, с появлением надежды отомстить за сына появились и физические силы.

Подъехав к пятиэтажной «хрущобе», на которую указала моя пожилая спутница, я притормозила и достала из сумки записную книжку.

– Мне нужны некоторые данные для начала.

– Спрашивайте.

Я зафиксировала всю нужную информацию.

– Заеду к вам завтра. В какое время вас можно застать, Степанида Михайловна?

– Завтра я весь день буду дома.

– Договорились.

Коврина – такова была фамилия моей новой клиентки – тяжело ступила на землю и пошла к подъезду, не оборачиваясь.

* * *

– Ну что я могу сказать... – вяло протянул Николай. – Дело малоперспективное.

С оперуполномоченным Николаем Свитягиным мы сидели на лавочке в сквере рядом с его домом. Говорить сидя в моей машине он наотрез отказался, объяснив это тем, что в последнее время совсем не удается подышать свежим воздухом, вот я и предоставила ему такую счастливую возможность. Несмотря на периодически начинавшийся дождик, этот октябрьский день был теплым, а мы сидели под навесом.

Николай вышел из дома в трико и шлепанцах и в таком одеянии совсем не походил на того подтянутого опера, которого я видела в отделе.

– Я сам выезжал на место преступления. Вот, кстати, фотографии.

Он раскрыл книжку Уголовного кодекса, которую небрежно вертел в руках, и достал оттуда несколько снимков.

Вот молодой мужчина в неестественной позе, раскинув руки, лежит на полу кухни, рядом с плитой. Одет он не по-домашнему: строгие черные брюки, дорогой пиджак. На столе стоят фужер и опустошенная наполовину бутылка необычной формы.

– Отравление синильной кислотой или, вернее, ее солями, – прокомментировал увиденное мной Николай. – Вино коллекционное, очень дорогое. Яд обнаружен и в фужере, и в бутылке.

– Коврин жил один?

– Да. Женат он не был. По словам матери, у него была подружка.

– Преступник оставил какие-нибудь следы? – задала я вопрос, продолжая тщательно разглядывать фотографии.

– В том-то и дело, что все чисто. На бутылке и фужере отпечатки пальцев только самого Коврина. И больше, представь, никаких зацепок. Скорее всего, хозяин распивал вино в одиночестве. Хотя всякое может быть... Смерть наступила между десятью и одиннадцатью вечера. Ближайшая соседка в тот вечер уехала ночевать к приятелю, а соседи с противоположной стороны лестничной клетки ничего не видели и не слышали.

– Как был обнаружен труп? – продолжала я допрашивать опера.

– У Коврина была собака, немецкая овчарка. Пес громко выл всю ночь и весь следующий день. Соседи, не спавшие из-за собаки и уставшие слушать этот тоскливый вой, много раз звонили в квартиру. Но никто не открывал, хотя было видно – в коридоре горит свет. Ближе к вечеру, двадцать пятого, приехала мать хозяина квартиры. Сосед снизу предложил ей взломать дверь, но она отказалась, мотивируя тем, что собака никого не признает, кроме ее сына, и будет кидаться. В итоге прибывшая дежурная милицейская группа взломала дверь и пристрелила собаку – та была очень агрессивно настроена. Затем уже приехали мы.

Мысленно я раскладывала всю услышанную информацию по ящичкам своего сознания, чтобы в нужный момент «открыть» один из них и воспользоваться добытыми сведениями.

– Какие соображения по поводу того, кто мог это сделать?

– Мы не успели еще проверить его связи. Коврин был предпринимателем, за ним числилась фирма. Мать убитого утверждает, что он занимался скупкой квартир у опустившихся элементов общества – это нужно проверить. Возможно, с кем-то что-то не поделил. Позавчера я пытался навестить подружку Коврина, но она дома не появлялась. А вчера... Ты слышала, наверное, о расстреле в районе аэропорта?

Я кивнула.

– Тринадцать человек из автомата Калашникова. У нас весь отдел начальство на уши поставило. Так что сама понимаешь, нам сейчас не до Коврина.

– Дело понятное, – флегматично произнесла я. – Обычный передел сфер влияний. А число тринадцать – чертова дюжина. Ты не находишь в этом скрытого намека?

– Нашему отделу такие намеки раскрываемости не прибавляют. От нас теперь требуют показательных выступлений: найти, поймать, обезвредить. Ладно, – Николай поднялся, – ты девочка способная, разберешься. Не забывай только меня информировать. Рано или поздно перед начальством все равно придется отчитываться.

Николай сунул мне в руку клочок бумаги.

– Адрес и телефон подружки Коврина.

– Фотографию на память можно? – Я вопросительно смотрела на Николая, держа в руке один из снимков.

– Бери! – Опер махнул рукой и взял с моих колен Уголовный кодекс. – Желаю удачи!

* * *

Дверь долго не открывали. Наконец по ту сторону раздались тяжелые шаги, меня оценили, глядя в «глазок», затем дверь не спеша подалась в мою сторону.

– Проходите.

Голос хозяйки звучал сухо и строго. Даже дома Степанида Михайловна выглядела подтянуто: вчерашнее черное платье сменил черный костюм, волосы на голове стянуты в тугий узел, а осанка такая, что и молодые позавидуют.

Коврина пригласила меня в зал. Обыкновенная, неудобная в планировке двухкомнатная квартира. Обстановка времен семидесятых годов, но всюду очень чисто, каждая вещь на своем месте.

В черной рамке на столе стояла фотография Леонида. Взгляд у него был немного странный: как будто человек смотрел не в объектив, а внутрь себя.

– У вас был красивый сын, – начала я разговор.

Степанида Михайловна опустила в обшарпанное кресло напротив меня и скрепила пальцы в замок.

– Мне никогда не нравилось прошедшее время в русском языке. Но теперь мне чаще всего приходится пользоваться именно им.

Я выдержала уважительную паузу.

– Вчера я разговаривала с одним из оперативников, побывавшим на квартире вашего сына после его смерти. Теперь я знаю все, что известно милиции, и хотела, чтобы вы рассказали мне о сыне. Насколько я понимаю, Леонид был поздним ребенком?

Женщина глубоко вздохнула, потом выдохнула и только после этого ответила:

– Родила я Леню в тридцать восемь лет. Муж мой был военным. Его не стало, когда сыну исполнилось полгода.

– Леонид был беспроблемным ребенком?

Степанида Михайловна горько улыбнулась и поджала губы.

– Наоборот – очень проблемным. Он был аутистом. Слышали про такой недуг?

– Да, кое-что. Это когда ребенок погружается в себя и теряет связь с окружающим миром?

Коврина не ответила, мне было видно – эмоции захлестнули ее.

– Сколько всего с сыном мы перенесли, знаем теперь только бог и я. Сейчас врачи классифицировали эту болезнь, а раньше все звучало очень банально – шизофрения. Активно проявляться недуг стал в подростковом возрасте. Мне и так с Леной было очень непросто, а после диагноза врачей у меня совсем опустились руки. Но все же я повезла его в Москву – и не зря. Старенький врач – психиатр одной из московских клиник – встряхнул меня резкими словами: сказал, что я должна бороться за сына, пока диагноз не стал окончательным. Он же дал мне методику, по которой я начала заниматься с Леной. В результате свой страшный диагноз врачам пришлось снять.

Женщина дрожащей рукой резко провела по волосам, как будто хотела стряхнуть с себя воспоминания, причинявшие боль.

– Именно поэтому я была против того, чтобы Леня заводил семью и имел детей. Да Леня и сам все прекрасно понимал и ограничивался кратковременными связями с женщинами.

– Что Леонид заканчивал кроме школы?

– Строительный техникум. Потом вдруг решил податься в коммерцию. Сначала сколотил начальный капитал на торговле, а позже занялся квартирами. Отселял, скажем, семью в деревню или на квартиру в дальнем районе, с доплатой, а освободившееся жилье продавал. Так многие сейчас делают.

Последние слова были сказаны как будто в оправдание сына.

– С кем работал Леонид, вы не знаете? Были ли у него напарники?

Коврина замялась.

– Мой брат, про которого я вам вчера рассказывала, год назад освободился из тюрьмы, и Леня взял его к себе на работу. Я не сказала об этом милиции. Не хочу, чтобы Егора опять терроризировали допросами и подозрениями. Он и так натерпелся.

– Где сейчас ваш брат?

– Последний раз я видела его двадцать седьмого – он был на похоронах. Я дам вам его адрес, если есть необходимость с ним поговорить.

– Последнее время Леонид встречался с кем-нибудь из женщин?

Коврина опять нервно поджала губы. Этот вопрос был ей неприятен.

– Да. Знаю только, что зовут ее Лариса. Видела Леню с ней один раз.

– Характеристику ей сможете составить?

Степанида Михайловна поморщилась.

– Эта девушка не отличается высокими моральными принципами. Это у нее на лбу написано. Живет под девизом: кто платит, тот и музыку заказывает. Я смотрела на связь Леонида с ней сквозь пальцы. К порядочной ведь можно и сердцем прикипеть, а там не за горами женитьба, дети... Такую же, как Лариса, можно бросить в любой момент и даже не оглянуться.

Внимательно наблюдая за собеседницей, я делала свои выводы. Повышенная опека над Ковриным с детства со стороны матери, по-видимому, оставила в нем след на всю жизнь. Его болезнь только усугубила положение вещей. К тому же Степанида Михайловна – женщина авторитетная, властная, такую нельзя не послушаться.

– Степанида Михайловна, я задам вам последний вопрос: кто, по-вашему, мог отравить Леонида?

Взгляд женщины озарился недобрый блеском.

– У меня нет никаких версий, – отрезала она. – Если бы я знала ответ на этот вопрос, то не наняла бы вас.

Коврина резко встала.

– Теперь мне необходимо побыть одной.

На этом мы и расстались.

Вообще-то я рассчитывала в этот день посетить квартиру ее сына, но теперь решила поездку отложить и отправиться по другому адресу.

Спускаясь по лестнице, я думала о странной реакции Ковриной на мой последний вопрос. Что ее так разозлило? Может, она что-то скрывает?

Глава 2

Я сидела в машине и прикидывала маршрут до дома Ларисы Фречинской, подружки Леонида Коврина. Но прежде чем привести в движение колеса своей «девятки», надумала обратиться к судьбе и попросить ее шепнуть мне на ушко, что меня ждет. А для этого извлекла из заветного замшевого мешочка магические двенадцатигранники, которые очень часто становились для меня путеводителем по жизни. Я ласково подержала их в руке, сосредоточившись на волновавшем меня сейчас вопросе, и бросила «кости» на приборную панель. Выпало сочетание такое: 15+25+10, что означало следующее: «Внезапно окажетесь в чрезвычайных обстоятельствах. Внимание, как бы не было беды! Только посредством духовного развития вы можете изменить свою судьбу».

М-да... Видимо, опять мне предстоит с головой окунуться в водоворот событий, которые от меня не зависят. Что ж, главное, как пионеру, быть всегда готовым, а все остальное – по ситуации.

Панельная девятиэтажка, к которой я подъехала, растянулась аж на пятнадцать подъездов.

Поинтересовавшись у бабулек, коротавших время на лавочке, в каком подъезде находится нужная мне квартира, подъехала к тринадцатому.

Я не была суеверной, но уж больно не нравилась мне эта чертова дюжина, столь часто повторявшаяся в этом деле. И что ж – мое шестое чувство сработало с быстротой щелчка затвора автомата в руках боевика: не успела я припарковать машину рядом с черным джипом, слепившим глаза своей чистотой и навороченностью, как из него вышел детина немислимых размеров и, обойдя спереди мою «девятку», постучал в боковое стекло.

Опустив стекло, я имела счастье услышать над своим ухом густой бас:

– Мой шеф хочет с тобой поговорить. Иди за мной.

Против лома, как известно, нет приема. А этот верзила выглядел гораздо страшнее лома, поэтому мне оставалось только последовать за ним.

Детина распахнул дверцу джипа, и я уселась на заднее сиденье, совершенно не понимая и даже не догадываясь, чего от меня хотят. Рядом со мной, занимая больше половины всего пространства, восседал затекший жиром субъект, тяжело дышавший и обладавший маленькими пронзительными глазками.

Увидев меня, он присвистнул:

– Почему-то я представлял тебя тощей гримзой в очках, на которую без брезгливости не взглянет ни один мужчина. Ты превзошла все мои ожидания, поздравляю.

Свою реплику незнакомец завершил тихим язвительным смешком. У меня же не было ни малейшего желания отвечать на его сомнительные комплименты.

– Может, ближе к делу?

Правила хорошего тона писались явно не для этого случая, и пусть жирный субъект не рассчитывает на любезность!

– Мы еще и колючки выпускать умеем? Серьезная дама. Как ты думаешь, Лешик, может, мне надо ее бояться? – хихикнув, спросил толстяк.

Лешик не ответил, только переглянулся с водителем. Он прекрасно понимал: его основная задача – демонстрировать грудку мускулов в сочетании с тупой физиономией. За это ему и платят деньги. Все остальное – не его ума дело. Хотя разве в этой квадратной голове может обитать ум?

Повеселившись, толстяк как-то вдруг посерьезнел.

– Леонид Коврин, убийство которого ты сейчас расследуешь, должен мне деньги. Ты нужна для того, чтобы найти пропавшие деньги и вернуть их законному владельцу. То есть мне, – уточнил субъект.

– Значит, деньги, которые Коврин у вас занял, пропали? – Мне ничего не оставалось, как только побыстрее выяснить все подробности. Может быть, тогда удастся унести ноги отсюда.

– Да. Именно так. – Толстяк смотрел на меня с нескрываемым любопытством.

– Почему вы так решили?

– Все просто, деточка. Двадцать четвертого числа, примерно в полдесятого вечера, Коврин приехал ко мне просить денег. Под проценты, разумеется. Он взял у меня две тонны баксов и уехал. А между десятую и одиннадцатую он отравился. С чьей-то помощью, естественно. Я не думаю, что за полчаса-час он успел потратить деньги, но при обыске милиция ничего не нашла. У меня среди ментов свои «связи», потому и знаю. Выходит, баксы кто-то присвоил. Может, их взял Николай Свитягин, опер, который дело ведет? Почему бы и нет... Деньги нужны всем. Ларису Фречинскую, навещать которую ты приехала, мы уже об этом спросили. Она утверждает, что никаких денег в глаза не видела. Я не склонен верить бабам, но прежде чем принимать карательные меры, нужно все же удостовериться: может, девчонка действительно ни при чем. Я ж не мясник какой-нибудь. А ты, Танюша, коль впряглась в это дело, просто обязана мне помочь.

Незнакомец ележно улыбнулся.

– Еще какие-нибудь вопросы есть?

– Этот добровольно-принудительный порядок подразумевает какую-либо плату за мои успехи?

Я отдавала себе отчет, насколько глуп и нахален мой вопрос, но выяснять все до конца – одна из лучших моих привычек.

Толстяк глянул на меня, как смотрят на людей с поврежденным рассудком, и продолжил фамильярничать:

– Дорогая, ты сама подумай, я и так лишился процентов, мне хоть свое вернуть, а ты с оплатой... Некрасиво обворовывать человека. К тому же разве большого «спасибо» недостаточно?

Его насмешливые пороссячи глазки ловили мою реакцию.

– Это все?

– Нет. Срок даю тебе – два дня. Тридцать первого числа Коврин мне как раз должен был деньги с процентами вернуть. Вот теперь все. Можешь идти. Лариса на месте, если она тебе нужна.

Понимая, в какой попала переплет, я раздраженно произнесла:

– Послушайте, за тот час, который прошел после того, как Коврин занял у вас деньги, и до его смерти, он мог отдать их тому, кому планировал. Например, кому-то был должен.

– С уверенностью могу сказать тебе, Танюша... никому, кроме меня, Леня должен не был. Если же он и успел отдать кому-то деньги, то ты должна найти этого человека. Все остальное – моя забота. И не забудь, если через два дня денег не будет, придется тебе, лапочка, делиться своими.

Толстяк сложил пухлые ручки на не менее пухлом животе. Короткие, как обрубки, пальцы демонстрировали золотые перстни, один другого тяжеловеснее. Вопросы вкуса мало волновали их обладателя.

– Конечно, я и сам мог заняться этим. Но ведь на чужом горбу в рай въезжать предпочтительнее, не так ли? – Толстяк подмигнул мне, как доброй знакомой, и добавил: – Увидимся через два дня и... приятно было познакомиться, – кинул он мне вслед, поскольку я уже потопилась открыть дверцу джипа и спрыгнуть на землю. – Меня зовут Жига.

Жига – английский народный танец. Это была первая ассоциация с услышанным именем, вернее – с кличкой жирного субъекта, которая пришла мне в голову. Не успела я отойти от машины, как джип резко стартовал и скрылся за углом дома.

«Вот ты и влипла, – заговорило мое пессимистичное „я“. – Как будешь расхлебывать? Что, если не удастся найти деньги?» И тут я вспомнила свое недавнее гадание. Духовное развитие, вот что меня спасет! Точнее сказать, интеллектуальный потенциал, помноженный на большой опыт. Итак, если Фречинская знала про деньги, то ее мотив для убийства Коврина налицо. С другой стороны, что же это за Зоя Космодемьянская, которая даже под давлением архаровцев Жиги молчит про деньги, словно рыба об лед?

* * *

Лифт выпустил меня на четвертом этаже, и, подойдя к нужной квартире, я нажала на кнопку звонка. За дверью стояла тишина, но тень, упавшая на «глазок», ясно дала понять, что меня рассматривают. Затем от двери тихо отошли – и больше из квартиры не доносилось никаких звуков, хотя «Подмосковные вечера», которые воспроизводил звонок, прозвучали с моей помощью еще много-много раз.

Конечно, она боится. И ей нет никакого дела до того, что мне необходимо ее увидеть. Она элементарно боится за свою жизнь. И я ее понимаю. Незабываемый Лешик одним своим видом производит такой психологический прессинг – хочется залезть в какой-нибудь погреб и жить там, не встречаясь больше никогда с не обремененным интеллектом детиной.

Когда я заходила в дом, мне показалось, что на четвертом этаже открыта дверь, ведущая на лоджию. Оставалось удостовериться, та ли это лоджия, которая мне нужна.

Выйдя из загаженного подъезда на улицу, я подняла голову вверх и снова убедилась в собственной наблюдательности. И еще заметила, что занавеска в квартире подружки Коврина колыхнулась – за мной следили. Я демонстративно села в машину и выехала со двора. Бросив свою «девятку» у поликлиники, находившейся в соседнем здании, я вернулась обратно, на сей раз пройдя вдоль крайних подъездов, поближе к стене дома.

Стоило попытаться счастья, действуя на свой страх и риск. Ждать, пока перепуганная женщина сама покинет свое жилище, бессмысленно. Что, если она, охваченная ужасом, заняла осадное положение и намерена сидеть в квартире, пока не закончится запас продуктов?

Стараясь ступать как можно тише, я поднялась вверх по лестнице и, добравшись до четвертого этажа, позвонила в соседнюю с Фречинской квартиру. Дверь медленно приоткрылась, и на пороге возник неопрятный мужчина, находившийся в кульминационной стадии алкогольного «пика». Вертикальное положение его туловища обеспечивалось только за счет косяка и ручки двери. Так как вменяемость гражданина явно находилась ниже минимума, необходимого для участия в беседе, я молча смотрела на его небритую физиономию, пребывая в поисках нужного решения. И тут откуда-то справа от мужчины появилась благообразная старушка и пихнула его в бок.

– Иди уже спать, не позорь меня перед людьми!

Вот ей-то я продемонстрировала корочки следователя прокуратуры, имевшиеся в моем арсенале для подобных случаев, и сказала твердо, что мне нужно с ней поговорить. Старушка растерялась и освободила проход. Ее сын, внешне очень похожий на мать, покорно протасился в одну из комнат, я услышала, как он брякнулся на скрипучую кровать. Теперь можно было спокойно излагать суть дела, но старушка задала вопрос, опередив меня:

– Сын опять набедакурил?

– Да нет, – успокоила я ее, – я по поводу вашей соседки Ларисы Фречинской.

Выслушав вздох облегчения, раздавшийся после этого, и сделав минутную паузу, чтобы хозяйка квартиры действительно успокоилась, я продолжила:

– У меня на это время назначено свидание с Ларисой. В данный момент она дома, но дверь открывать не хочет. После смерти своего парня она находится в глубочайшей депрессии, и я боюсь, как бы дело не дошло до самоубийства.

– Да, да, – подтвердила старушка, – последнее время она совсем не в себе, от людей шарахается.

– Парня Ларисы убили, и в этом деле она проходит основным свидетелем, поэтому мне просто необходимо с ней поговорить. Рассчитываю через вашу лоджию попасть к ней в квартиру, – огорошила я хозяйку, а в заключение еще сгустила краски: – Медлить нельзя, а то может быть поздно.

Старушка колебалась.

– Но это же опасно, все-таки четвертый этаж...

– У меня есть практика в такого рода делах, не волнуйтесь, – успокоила я ее и двинулась внутрь квартиры.

Выйдя на лоджию и убедившись, что нужная мне дверь у Фречинской все так же открыта, а шторы на окнах задвинуты, я – в который раз! – принялась рисковать своей драгоценной жизнью. Моей задачей было не просто перелезть с лоджии на лоджию с минимальным риском для жизни, но и произвести как можно меньше шума. Старушку я заранее попросила не делать тяжелых вздохов и вообще не разговаривать. Стараясь выполнить эту мою просьбу, она предусмотрительно прикрыла рот ладонью.

Трюк прошел удачно. Если бы я находилась на цирковой арене, то непременно сорвала бы продолжительные аплодисменты.

Резко, с шумом отдернув шторы, я ввалилась в квартиру Фречинской и застала ее сидящей на диване. В комнате было сильно накурено – просто дым стоял столбом. Подтянув коленки к подбородку и держа в руках розовые пушистые тапочки, она заливалась горячими слезами. Ей было не больше двадцати двух лет, и даже то, что лицо девушки покраснело и опухло от слез, не портило ее природную красоту. Быстро отреагировав на стук, Лариса вскочила с дивана и попятилась к столу, на котором я заметила кухонный нож.

– Что вам нужно? – в изумлении спросила она. Все ее тело мелко дрожало. Это было следствием не только испуга от моего внезапного, даже, скажем так, экстравагантного появления, но и нервного шока, полученного стараниями толстяка Жиги.

«Вот так и возникает состояние аффекта», – мелькнула у меня мысль. Пока девушка еще хоть что-то соображала, необходимо было сказать ей что-то такое, что сразу бы охладило ее непреодолимое стремление к самообороне. Попасть нужно в яблочко, иначе может произойти непоправимое.

– Лариса, успокойся, – почти крикнула я. – Мне известно, кто убил Коврина и кто взял у него деньги. Ты абсолютно ни при чем, и я пришла тебе помочь. К тем живодерам, что были здесь сегодня, я никакого отношения не имею.

Этот ловкий ход возымел нужное действие. Минуту Лариса раздумывала, затем разжала пальцы, и нож, который она успела схватить, с лязгом упал на пол. Нервное напряжение сменилось бурными рыданиями. Я усадила Фречинскую на диван и, как мне показалось, целую вечность пыталась привести ее в такое состояние, в котором она смогла бы ответить на мои вопросы.

– Они хотят меня убить! Я знаю!

Лариса буквально выкрикнула эти слова, и я так не к месту обрадовалась: силы еще не совсем покинули ее. Значит, мой акробатический номер не был напрасным, я что-нибудь да узнаю.

– Мне необходимо, чтобы ты рассказала мне все по порядку. Начнем с того, когда последний раз ты видела Леонида.

Лариса вздрогнула, услышав имя друга. Помолчав, ответила:

– Я... я видела его двадцать четвертого, вечером. Скажите, кто его убил? Вы сказали, что знаете. Я тоже должна знать!

– Не могу тебе пока сказать. Мне необходимы дополнительные улики против этого человека, за этим я и пришла к тебе.

– Вы все врете! – она с силой швырнула тапки в угол. – Вы ведь меня подозреваете, я знаю!

– Эмоции в данном случае будут тебе только вредить, – невозмутимо заметила я. – Двадцать четвертого вечером у вас с Леонидом была запланирована встреча?

Стиснув зубы, Фречинская снова замолчала на какое-то время, затем нехотя произнесла:

– В восемь он должен был заехать за мной на машине. У моего брата была годовщина свадьбы, мы хотели отметить это событие четвергом в ресторане...

– Он не заехал?

– Нет. Я ждала его до половины девятого. Он часто задерживался, правда, всегда звонил в таких случаях. Потом поехала к нему домой. Он открыл мне дверь и, не предложив войти, сказал, что сегодня праздновать не сможет, у него появились неотложные дела. Был он каким-то раздраженным и мрачным, я его никогда таким не видела. У порога я заметила женские туфли и поняла, что он не один. Меня терзали мрачные предчувствия, я боялась, вдруг у него появилась другая женщина...

Эта беспокойная девочка совершенно не умела скрывать своих эмоций – все как на ладони.

– Ты вернулась домой?

Лариса покачала головой.

– Я вышла на улицу и стала дожидаться. Во что бы то ни стало я должна была увидеть эту женщину.

– Тебе не пришло в голову, что во время любовного свидания человек, как правило, не бывает раздраженным и мрачным?

Фречинская тяжело вздохнула. Она увлеклась беседой, и черты ее лица постепенно разглаживались.

– Об этом я подумала только потом, когда его не стало. А в тот момент я была ослеплена ревностью, и мое негодование углублялось тем, что он от меня что-то скрывал.

Я изучающе смотрела на Фречинскую – образованна, умна. Она совсем не производила впечатления ветреной и расчетливой особы, какой ее нарисовала Коврина.

– Что было дальше?

– Минут через пятнадцать женщина именно в этих туфлях вышла из подъезда. Я поняла – это не то, о чем я подумала, и успокоилась.

– Ты подумала, что эта женщина – мать Коврина?

Девушка отрицательно покачала головой:

– Мать Коврина я видела один раз. Нет, это была не она.

– Опиши ее подробнее.

Лариса откинулась на спинку дивана и потерла виски ладонями.

– На вид ей было лет пятьдесят пять – шестьдесят. Невысокого роста, средней плотности. Серый плащ, черные туфли. Коротко стриженные жидкие седые волосы. Черты лица совершенно не запоминающиеся. Бесцветные какие-то.

– Может, у нее имелись особые приметы? Родинка, шрам...

– Нет, ничего такого я не заметила. Единственное помню: я сразу подумала – этой женщине многое пришлось пережить. Было что-то в ее лице... Отрешенность какая-то. Такого человека уже ничем нельзя удивить в этой жизни.

– Значит, раньше ты ее не видела?

– Нет, никогда.

– А она тебя заметила?

– Думаю, нет. Я стояла недалеко от подъезда, за деревьями. Она прошла мимо, не оглядываясь по сторонам.

– Леонид вышел вслед за ней?

– Да, буквально через пять минут. Сначала я как следует отругала себя за то, что подозревала Леню. Затем подошла к лифту, чтобы вернуться в квартиру Леонида и до конца выяснить, в чем причина такого его поведения. Пока ждала лифт, Леонид уже спустился по лестнице. Увидел меня и сказал, что ему срочно нужны деньги и сейчас ему необходимо их раздобыть.

– Где он собирался взять деньги, не сказал?

– Нет. Просто добавил, что, мол, все в порядке, не волнуйся. Даже пытался улыбнуться. Правда, неубедительно получилось. Я чувствовала – что-то произошло. Леня поцеловал меня, сказал, что позвонит завтра и...

Рыдания, нахлынувшие на девушку, не дали ей закончить. Следующие пять минут были потрачены на всплеск эмоций по максимуму, но безжалостная Таня Иванова еще не все выяснила. Раскрытие правды требовало жертвы. В данный момент этой жертвой оказалась Лариса Фречинская.

И как только она чуть-чуть успокоилась, я продолжила расспросы.

– После разговора с Ковриным ты поехала домой?

– Да.

– У Коврина были проблемы с деньгами?

Лариса утерлась платком.

– Вообще-то нет. Впрочем, я не знаю, какая сумма была ему нужна. Знаю только, что со дня на день он должен был отселить очередного алкаша и продать его квартиру. Но, по-моему, у него что-то не клеилось.

Я замерла, как гончая, напавшая на след зверя.

– Что именно?

– Двадцать третьего, вечером, мы с Леной подъехали к дому по улице Рахова. Леня сказал: «Сейчас мы подождем Егора – он решает вопрос с владельцем о переселении, потом вместе поедим ко мне домой». Минут через двадцать появился Егор, очень злой и нервный. Сказал, что алкаш отказывается подписывать бумаги. Леня оборвал его, сказав, что подробнее поговорят дома. Когда мы приехали, Леня попросил меня приготовить на кухне ужин. Сами они закрылись в комнате и разговаривали на повышенных тонах. Я слышала несколько фраз, прозвучавших особенно громко. Егор доказывал, что алкаша нужно убрать с дороги, а Леня очень жестко ему возразил, сказал, что будет действовать только в рамках закона, и добавил: «Будем работать с другими клиентами, а если ты тронешь хоть пальцем этого пропойцу, я буду первым, кто сдаст тебя ментам».

Быстро встав, Лариса схватила со стола пачку жевательной резинки.

– Пытаюсь бросить курить, – пояснила она, – но пока плохо получается.

Положив пластинку в рот, Фречинская продолжала:

– В общем, в тот день они сильно разругались. Егор ушел, хлопнув дверью. Леня долго не мог прийти в себя. Я задавала ему вопросы, но он ничего не захотел объяснять, только раздраженно бросил фразу: «Не зря говорят, что рано или поздно свинья возвратится к своему корыту». Я думаю, он имел в виду прошлое Егора: тот ведь сидел в тюрьме.

– Номер того дома по улице Рахова ты запомнила?

– Нет. – Лариса жевала с такой страстью, что челюсти у нее ходили ходуном. – Номера дома не знаю, но помню его местонахождение и то, что подъезд был последним.

Ход моих мыслей принял новое направление.

– Скажи, овчарка Коврина признавала кого-нибудь, кроме хозяина?

Девушку слегка удивил мой вопрос, и она широко распахнула свои выразительные зеленые глаза.

– Эту собаку Лене подарил Егор, который семь месяцев воспитывал щенка, но потом квартирная хозяйка настояла на том, чтобы он убрал пса из квартиры. Егор, с согласия Лени, конечно, отдал ему собаку. Поэтому, кроме них двоих, Калигула никому не подчинялся и бросался на всякого входящего.

– Когда ты находилась в квартире, где в это время был пес?

– Леня запирает его на балконе. Калигула поэтому еще больше на меня злился, и я его жутко боялась.

– А какие отношения у Лени были с матерью?

Задавая этот вопрос, я преследовала определенную цель: Коврина нелестно отозвалась о Ларисе, и мне стало интересно, что теперь скажет Фречинская?

– Никаких, – коротко ответила девушка.

– Как это?

– В детстве Леня сильно болел, и мать отдала его в специальный интернат, в то время как многие родители боролись с аналогичными заболеваниями своих детей дома, не прибегая к спецучреждениям. Он провел в интернате два года. Потом, увидев, что сын пошел на поправку, мать забрала его обратно. Леня не смог простить ей предательства, и когда вступил во взрослую жизнь, все попытки матери наладить с ним отношения отвергал. Это то, что он рассказывал мне сам.

М-да... Как в народе говорят? У каждого своя правда? Узнать бы только, чья правда на сей раз правдивее – Степаниды Михайловны Ковриной или ее сына?

– Леонид не говорил, чем именно болел в детстве?

Лариса огрызнулась:

– Я же сказала: это все, что я знаю.

Зябко пожившись, она вспомнила про открытую дверь на лоджию, легко поднялась с дивана, пересекла комнату и быстро захлопнула ее. Все движения Фречинской отличались исключительной резкостью и нервозностью. Жирный Жига со своими «мальчиками» сильно постарался.

– Тебе известно, где Леонид хранит дома деньги?

– В квартире Лени был тайник, где он хранил деньги и документы, он сам мне его показывал. – Лариса устроилась поудобнее на диване, опять положив подбородок на колени, и сообщила: – Этому жирному, – она махнула рукой в сторону улицы и вздрогнула, – я сказала про тайник. Он отправил одного из своих дебилов проверить. Вернувшись, тот сказал, что ничего не обнаружил.

– Где находился тайник?

– В комнате на полу лежит ковровое покрытие. Под ним паркетный пол. Слева в дальнем углу несколько половиц поднимались – внутрь был встроен небольшой ящик. Там Леня хранил деньги, когда они у него были.

– Кто еще мог знать про тайник, кроме тебя?

Фречинская задумалась.

– Не знаю... Егору он не очень доверял, а больше никто дома у него не бывал. Поэтому я так и заволновалась, когда поняла, что у Лени дома какая-то женщина. Он ведь был очень замкнутым...

– Этот встроенный ящик Леня делал сам?

– Нет. Тайник смастерил муж бывшей хозяйки квартиры. Когда-то давно он работал в торговле и успешно наворовал денег у государства. Потом его так же успешно посадили, а его жена продала квартиру и переехала ближе к своим родителям. Эта женщина – подруга матери Лени, он хорошо знал ее и смог тогда недорого купить у нее жилье.

Я достала из кармана фотографию, благодарно оставленную мне Свитягиным.

– Посмотри, эта бутылка вина тебе знакома?

Увидев на снимке распростертое на полу тело своего бывшего любовника, Фречинская отвернулась. Через несколько секунд я услышала ее сдавленный голос:

– Ни этой, ни какой-либо другой, похожей, бутылки у Лени я не видела.

– Он предпочитал дорогие вина?

Внутренний нервный запас Фречинской был на исходе, я это чувствовала, поэтому про себя решила: этот вопрос будет последним.

Лариса почти выкрикнула, зло глядя в мою сторону:

– Он предпочитал французский коньяк... Отстаньте же от меня, в самом деле!

Пообещав, что больше не буду ей докучать, я попросила ее об одном: спуститься со мной к машине и показать на карте города, которая всегда лежит в бардачке, тот самый дом на улице Рахова, к которому они с Леонидом подъезжали, чтобы забрать Егора.

Лариса согласилась только в надежде наконец от меня отвязаться. Отыскав на карте нужный дом, она ткнула в него пальцем, затем молча развернулась и пошла обратно.

Глава 3

Пока я добиралась до улицы Рахова, в моей голове созрело множество вопросов.

С одной стороны – портрет Ларисы Фречинской, который обрисовала мать Коврина, не соответствовал действительности. Скорее всего, старуха принимала желаемое за действительное. Если бы девушка на самом деле имела при Леониде статус, столь уверенно обозначенный Степанидой Михайловной, все было бы гораздо проще. Но тут не складывалось. Разве поехал бы Коврин с девочкой-однодневкой отмечать годовщину свадьбы ее брата? Разве стал бы рассказывать временной любовнице о своих отношениях с матерью, если воспоминания об этом вызывали в нем только боль? И, наконец, тайник. Вот уж о чем рассказывают лишь человеку, которому полностью доверяют.

С другой стороны – про годовщину свадьбы брата Фречинская могла наврать, негативную сторону отношений матери и сына Ковриных сильно преувеличить, а местонахождение тайника ей могло стать известно совершенно случайно. В этом случае сегодня передо мной Фречинская давала театральное представление, единственным зрителем которого была я.

Если та женщина, которую Лариса видела выходящей из подъезда, не ее вымысел, то она может быть альфой и омегой в нашей истории. А если Фречинская просто выдумала «много пережившую женщину», чтобы отвести от себя подозрения? Может быть, и ссора Коврина с дядей придумана ею с той же целью?

Честно говоря, я с сомнением относилась к мысли, что эта молоденькая девушка могла так точно все спланировать, но... Недооценка противника чревата плачевными последствиями, поэтому я выбросила из головы цифру, обозначающую возраст Ларисы, и заставила себя основываться только на фактах.

Одно было ясно: в тот вечер двадцать четвертого Коврин либо действительно пил дорогое вино из необычной бутылки один, либо, если верить показаниям Фречинской и Степаниды, вместе с ним мог быть Егор. Ключом к такому выводу служила собака. Если предположить, что Фречинская, зная о том, что Коврин поехал за деньгами, съездила домой за ядом, затем вернулась и тот вечер провела вместе с ним, то Калигула должен был сидеть за балконной дверью. Но овчарка находилась все время с трупом, своим воем мешала соседям спать и в довершение всего кидалась на людей, пытавшихся войти в квартиру. Значит, ни Лариса, ни кто-то другой, кроме Егора, не могли быть в тот вечер с хозяином пса.

Но существовал еще и другой вариант, наиболее внушавший мне доверие. Преступник мог подсыпать цианид в уже распечатанную Ковриным бутылку в любой удобный момент. Либо подарить жертве вино, заранее добавив в него яд. В этом случае, правда, остается неизвестным, почему Коврин, привыкший к дорогим алкогольным напиткам, не заметил того, что бутылка распечатана. Используя вариант с заранее подсыпанной отравой, преступник не мог наверняка знать, падет ли жертвой именно Коврин и сколько жертв будет вообще. Нет. Если все же яд был подсыпан убийцей в бутылку заранее, то он должен был быть уверен, что Коврин выпьет вино сам и выпьет один. Тогда надо выяснить, откуда у него могла появиться такая уверенность.

Далее. Если Фречинская не брала денег, то куда подевались баксы? И зачем Коврину срочно понадобились деньги?

Дом по улице Рахова, указанный Фречинской, располагался вдоль дороги. Непрерывное движение и гул машин явно не позволяли его жильцам наслаждаться тишиной и покоем. Однако квартиры в этом районе стоят дорого. Несмотря на загазованность и шум, многие предпочитают жить в центре.

Все двери подъездов были снабжены кодовыми замками, но металлическая дверь именно последнего подъезда была распахнута: в одной из квартир на пятом этаже полыхал пожар.

Пожарная машина подъехала немногим раньше меня, но около места происшествия уже собралась приличная толпа зевак, к которым я и примкнула.

Пока все собравшиеся с интересом наблюдали за действиями пожарной команды, я высматривала в толпе подходящую кандидатуру, того, кто мог бы меня просветить по интересующим меня вопросам. Мой выбор пал на тетку неопределенного возраста, в шлепанцах и байковом халате. Тетка, на щеке которой «красовалась» большая волосатая родинка, одновременно давала пожарным советы и громко рассуждала о случившемся. Я хорошо знаю эту категорию людей: они всегда в курсе всех свежих сплетен.

– Мне сказали, в этом подъезде квартира продается. Не подскажете ее номер? – обратилась я к ней.

Заплывшие глазки оценивающе оглядели меня с ног до головы – тетка размышляла, достойна ли я получить от нее ответ.

– На первом этаже двухкомнатная продавалась, но ее уже купили. Новые хозяева вчера только въехали.

– А мне говорили про трехкомнатную, – нагло врала я. – Кроме этой «двушки», больше никакого жилья не продается?

Тетка пожала плечами.

– Насколько я знаю, нет. А вам что, трехкомнатная нужна? – попыталась она раздобыть новую почву для разговоров на лавочке с соседями.

– Вообще-то, мне нужен бывший хозяин этой квартиры, – заявила я, глядя на ловкие действия пожарного, который с помощью вышки проник через окно в квартиру, выбив стекло.

– Ой, неужели мальчонка в квартире? – всплеснула руками стоящая рядом худощавая горбоносая женщина.

Выбранная мной тетка считала священным долгом высказывать свое мнение по каждому поднимаемому вопросу. Я удостоилась ее взгляда, подозревающего меня во всех смертных грехах.

– Про Пашку Логинова спросите у его дружков. Вон они плетутся.

Она махнула рукой влево и тут же переключилась на женщину, задавшую вопрос про мальчика.

– Конечно, в квартире! Сонька его сегодня одного оставляла. Такую мамашу давно пора лишить родительских прав!

– Это точно! – поддакнула горбоносая.

Я смотрела на подошедших друзей Пашки-алкоголика, а думала о том, что мне жалко эту Соню. Недобрые соседки вынесли ей приговор, которого она, может, и не заслуживает.

Народец, с которым мне предстояло общаться, был тот еще – один колоритнее другого: гражданка с опухшим синюшным лицом, засаленными волосами и обалделыми, в красных прожилках глазами, и с ней два гражданина, чьи лица цветом гармонировали с подружкиным. Один из этих, с позволения сказать, мужчин, отсвечивал огромным, в пол-лица, «бланшем» и еле ворочал языком, объясняя что-то своей красноглазке. Второй имел более «благородную» наружность. Вероятно, когда-то он имел счастье принадлежать прослойке общества, называемой интеллигенцией, так что его с полным правом можно было именовать бичом.

Несмотря на то, что повсюду стоял устойчивый запах дыма и гари, от этой троицы веяло характерным отвратным душком. Морально подготовив себя к эстетическим лишениям, я подошла к пьянчужкам и задала первый вопрос:

– Где я могу найти Павла?

Окинув меня косящим нетрезвым взглядом, красноглазка пробормотала:

– Зачем он вам?

– Мне нужно с ним поговорить, – сдержанно ответила я, делая усилие, чтобы не скривить в брезгливой мине лицо.

– Мы не знаем, где он. – «Интеллигент» лучше других связывал слова. Видимо, сказывалась сила привычки.

– Да грохнули, наверное! – с чувством, которое зачастую переполняет всех алкоголиков, заявил отвечающий бланшем гражданин.

– Не болтай лишнего! – оборвал его «интеллигент».

Уяснив, что дружки интересующего меня Пашки что-то знают, я предложила продолжить нашу беседу в более спокойной обстановке, вдали от чрезвычайных ситуаций и посторонних ушей.

– Поговорить – это хорошо, – с трудом подыскивая слова, ослабилась пьянчужка, обнаружив при этом практически полное отсутствие жевательных составляющих рта. – Только сушняк что-то душил.

Намекать два раза не было необходимости. Женский алкоголизм неизлечим, как известно, так что не жалко. Совесть меня мучить не будет, а мужиков, вернее, то, что от них осталось, и подавно. Пообещав быстро вернуться, я скрылась за углом дома. Когда же, вооруженная бутылкой водки и копченой мойвой, я вновь смогла лицезреть сцену пожара, то увидела, как сильно обгоревшего мальчика лет пяти укладывают на носилки подъехавшей «Скорой помощи». Квартиру, из которой валил дым, в это время пожарные поливали из брандспойта.

Жажущая «принять на грудь» троица предложила мне посетить их жилище, находящееся в подвале соседнего дома. Я вежливо отказалась и предложила пройти на пустынную в данный момент детскую площадку. Поймав напоследок испепеляюще-осуждающий взгляд тетки с «мушкой», я в сопровождении сомнительного окружения прошествовала мимо любопытствующей на пожаре толпы. Усевшись на красиво выложенный из камня выступ детского бассейна, «отсвечивающий» гражданин потер руки.

– Хороший выбор. Давно уже не пил «Столичную».

Синюшная гражданка удивилась, увидев, что мною куплено всего три одноразовых стаканчика. Кажется, она даже представить себе не могла, что кто-то не дрожит от вожделения при виде водки.

Для затравки я налила троице по пятьдесят граммов. Теперь нужно быстренько все выяснить, пока мои собеседники не совсем еще утратили способность соображать.

– Когда вы в последний раз видели Павла? – обратилась я прямо к «интеллигенту», рассчитывая услышать от него наиболее внятный ответ.

Медленно пережевывая рыбу, он заговорил, оправдав мои ожидания:

– Мы пили в субботу вечером у него дома. Потом он пожаловался на боли в животе, и мы ушли. В последующие два дня мы к нему приходили, но нам никто не открывал. А вчера мы застали там новых хозяев.

– Хозяйка, налей еще, – заканючила беззубая «красотка».

Отцедив каждому еще по пятьдесят граммов, я опять обратилась к самому вменяемому из пьяниц:

– В котором часу в субботу вы ушли от него?

Этот совершенно обычный для нормальных людей вопрос вызвал у моих собеседников замешательство. Часов у них, естественно, не было – все, что можно, они уже пропили. И вообще следить за временем они давно перестали.

– Слышь, Академик, – обратилась красноглазка к «интеллигенту», – по телику футбол ведь был: из открытой форточки первого этажа, помнишь, слышно было, как мужик орал: «Гол, гол!» Ты нам еще долго потом надоедал своими воспоминаниями, как ты в детстве в футбол гонял.

– Она права, – важно кивнул Академик. – Было такое.

Уже что-то. А этой потасканной гражданке не откажешь в сообразительности. Значит, остатки разума иногда дают еще о себе знать.

– Я ж говорю, его прикончили, – не унимался второй. – Говорил ты ему: не связывайся с этим патлатым.

– Что ты каркаешь! – разозлился Академик и закинул голову от мойвы в бассейн.

– Так о чем вы предупреждали Павла?

«Интеллигент» нахмурился.

– Вы из милиции?

– Так точно.

– Знал я, что плохо все закончится. Павла уже нет в живых?

– Вполне возможно. Поэтому мне нужна ваша помощь. Кто это, патлатый?

– Был тут один... Предлагал Пашке одну комнату под склад отдать. Мол, тут недалеко на рынке он торгует бананами, а у Пашки первый этаж, квартира как раз под склад подходит. Дал этот тип ему задаток и предложил кое-какие бумаги подписать. Пашка, молодец, сообразил сказать, что подумает.

Мойва закончилась, и вся троица обтерла о свою верхнюю, и без того грязную, одежду жирные руки.

– Я сказал тогда Пашке, чтоб не вздумал ничего подписывать. Подсунут генеральную доверенность, и прощай, квартира. Когда мужик еще раз пришел, Пашка ему отказал. Патлатый стал требовать деньги назад, угрожая расправой. Денег у Пашки уже не было – мы их пропили. Мужик обещал вернуться. Что стало с Павлом – не знаем. Жаль только, что квартиру потерял.

– Ой, только не строй из себя благодетеля, – вмешалась красноглазка и обратилась ко мне: – У него на Пашкину квартиру свои виды были. Сколько раз ему предлагал поменяться на однокомнатную, а доплату пробухать.

Академик зло сверкнул глазами на женщину:

– Молчи лучше! Если б он меня послушал, то хоть в однокомнатной на выселках жил. А так – где он теперь? Никто не знает. С такой квартирой в центре его все равно в покое бы не оставили.

Красноглазка решила выдать свою версию:

– Ой, да небось продал втихую квартиру и пропивает где-нибудь деньги, сука. С друзьями даже не поделился! А вы уж страху нагнали!

– Были ли у Павла какие-нибудь родственники? – задала я новый вопрос, пытаюсь направить собеседников в нужное мне русло разговора.

Ответил Академик, которого не переставала терзать злость, ведь его планы в отношении квартиры собутельника Пашки были с такой легкостью открыты постороннему человеку, да еще сотруднику милиции.

– Жена развелась с ним три года назад и уехала с сыном в Прибалтику, к матери. Больше он ни о каких родственниках не упоминал.

Задав еще несколько вопросов порядком ослотившей троице, я вернулась к машине. Сюжет требовал дальнейшего развития событий, причем незамедлительно. Мини-компьютер, служивший мне записной книжкой, послушно выдал телефонный номер городского морга. Может быть, труп Павла Логинова уже обнаружили? Трудно поверить в такое везение, но все же... На прикосновения моих пальцев мобильник ответил тональными переливами.

Когда мне ответили, продиктовала приметы: мужчина лет сорока – сорока пяти, алкоголик, со жгуче-черными волосами, невысокого роста, худой, со следами насильственной или естественной смерти, наступившей либо двадцать четвертого октября, либо немного позже.

– Есть похожий, – хриплым голосом сразу же сообщил служитель морга и добавил: – С воскресенья лежит, вас ждет.

Смешок, раздавшийся после этого в трубке, засвидетельствовал своеобразное чувство юмора у работника печального заведения.

Значит, я не ткнула пальцем в небо. Есть надежда, что нашла на верный след. Если в морге меня «ждет» действительно Павел Логинов, то цепочка событий обретает законченность.

* * *

Морг встретил меня устойчивым специфическим запахом, отдающим формалином и сыростью. Я прошла мимо столов с мертвецами в конец помещения, надеясь встретить хоть кого-нибудь живого. За перегородкой я наткнулась на сотрудника, державшего в руке большой шприц.

Услышав мой кощунственный вопрос о том, кто здесь командует парадом, медик усмехнулся.

– Он вышел, скоро придет. Это не вы насчет Везунчика звонили?

– Насчет кого? – переспросила я.

Но сотрудник со шприцем, видимо, и ставил своей целью привести меня в недоумение. Молодой, сильно загорелый и крепкий, он совершенно не обращал внимания на окружающую обстановку и завлекательно улыбался.

– Это я так убитого бомжа прозвал. Ну сама посуди, – резко перешел он на «ты», – удар ножом в самое сердце, смерть мгновенная, человек не мучился... Везунчик, одним словом.

– Что медэксперты говорят? Когда смерть наступила?

Загорелый медик, с любопытством сверля меня лукавыми глазами, поинтересовался:

– Ты, как я понимаю, не родственница?

Выдавать себя за родственницу убитого я не собиралась, а известие, что у трупа, похожего на погибшего Пашку, зафиксирован удар в сердце, вселило уверенность в правильности моих предположений.

– Я здесь по поручению матери пропавшего без вести Павла Логинова. Она очень плохо себя чувствует и попросила меня приехать вместо нее. По описанию ваш Везунчик очень похож на Павла.

Медик сделал вид, что поверил, кивнул головой, не переставая улыбаться, но на мои вопросы отвечать не стал. Он отложил шприц, вытер о сомнительной чистоты тряпку руки и указал в сторону стены:

– Пойдем покажу.

Петляя между столами, он подвел меня к самому крайнему, находящемуся в углу. Моему взору предстало бледное лицо, говорившее о беспорядочной жизни убиенного. Сине-желтые губы, раздувшийся от бальзамирования нос произвели бы неизгладимое впечатление на какую-нибудь нежную особу, но во мне ничего не дрогнуло. Я давно научилась относиться к таким вещам как к издержкам профессии.

Быстро вынув из сумочки фотоаппарат, я навела объектив на лицо убитого и щелкнула два раза.

– Это еще зачем? – удивленно вскинул бровь медик. Его улыбка, как у чеширского кота в сказке про Алису в Стране Чудес, не исчезала с лица, наверное, никогда.

– Я плохо помню Павла, а последнее время он к тому же много пил и сильно изменился. Фотографию я покажу матери.

Парень подошел ко мне вплотную и небрежно облокотился рукой на стену, как бы преградив мне тем самым путь к выходу.

– Кто ты, прекрасное создание, может, назначишь мне свидание?

Кажется, он всерьез рассчитывал тронуть меня подобными поэтическими изысками. Бывает же такое...

– Обязательно позвоню тебе сюда, в морг, и назначу здесь свидание, – пообещала я медику, решительно отодвинув нехилый торс медика в сторону. На то, что он поймет всю нелепость сочетания слов «морг» и «свидание», я и не рассчитывала.

* * *

Прошло полтора часа с того времени, как я покинула городской морг. Мой старинный знакомый, работающий в одном из центральных фотоателье, уже успел отпечатать мне фотографии, и теперь я возвращалась к дому, где когда-то жил Логинов.

Тьма уже сгустилась над городом, и порывистый ветер, гонявший по небу тучи, не предвещал хорошей погоды на завтра. Кривая дверь подвала, которую местные власти пытались неоднократно закрывать на замок, хранила следы многочисленных взломов. Если бомжам негде переночевать, то навесной замок для них не преграда.

Слегка приоткрыв дверь, я попыталась разглядеть очертания людей в кромешной тьме, но безуспешно. Меня в который раз выручил «дальнобойный» фонарик, который давно был причислен ко всякой необходимой мелочи в моей сумке.

Помимо многочисленных труб и большого количества мусора, где-то между этими неутраченными останками когда-то нужных вещей, я разглядела жалкие клочья того, что осталось от матраца, и на нем едва распознаваемую человеческую фигуру, которую легко можно было спутать с грудой тряпок. По всем признакам это был Академик. Он спал. Задыхаясь от жуткой вони и подолгу размышляя куда ступить, чтобы не испачкать свои кроссовки, я подобралась к бомжу. Дотронуться до его плеча и потрясти за него стоило больших усилий – я и не предполагала, что настолько брезглива.

Академик сначала вздрогнул, затем принялся махать в мою сторону руками, давая этими жестами понять, чтобы от него отстали. Наконец, обуреваемый негодованием, он выстроил многоэтажную матерную конструкцию и сел, обхватив голову руками.

Долго же ему пришлось соображать, кто и зачем его потревожил. Наконец, до него дошло.

– А... – протянул он, вспомнив меня, как будто последний раз мы разговаривали с ним не меньше недели назад. – Что там у вас? Фотография?

Взяв снимок в руки и поднеся его вплотную к фонарику, академик не затруднил себя долгим разглядыванием покойника.

– Да, это он. – Голос его звучал обреченно, как будто и для себя в дальнейшем он усматривал подобную участь. – Его убили?

Объяснив Академику, от чего скончался его бывший собутыльник, я поинтересовалась, где находятся двое других жителей этой «ночлежки».

– За горячительным пошли, еще светло было. Теперь шляются где-то, могут и поздно ночью прийти...

– Вы точно уверены, что это Павел Логинов?

Не проспавшись до конца, при свете одного фонаря бомжу могло и померещиться...

Надо будет показать фотографию еще и соседям убитого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.